

Для ребёнка все предметы вокруг одушевлённые. Даже машины, варежки и кухонный кран. Сказка так же реальна, как обыденная жизнь. В Санкт-Петербургском государственном кукольном театре сказки работают только взрослые, но и они видят мир именно таким. Об этом наш корреспондент **Наталия ЧЕРНИГОВСКАЯ** беседует с художником-постановщиком театра, заслуженным деятелем искусств России **Анной Игнатъевой**.

— В детстве все верят, что, когда после окончания кукольного спектакля зрители уходят и на сцене гаснет свет, действие продолжается. Просто мы этого уже не видим.

— Я и сейчас в это верю. Однажды я готовила спектакль в Рязанском театре кукол и недели две жила там, прямо в театре, в комнате, где отдыхают артисты. С обратной стороны сцены был длинный коридор, а дверь на сцену открыта. Так вот, поздно вечером, направляясь к себе в комнату, я так боялась проходить мимо этой двери! И всё же однажды взяла себя в руки и решилась войти. Мне очень хотелось увидеть, почувствовать, что там. Неужто и вправду ничего и никого?!

На сцене было темно. Кромешная тьма. Я вошла в галерею, где висели куклы. Прислушалась: мёртвая тишина. Но сквозь неё чувствовалось — там своя жизнь. Совершенно реальное ощущение!

— И какой же была эта жизнь?

— Куклы боялись меня так же, как я их. И тогда я, наверное, впервые поняла: всё, что мы им даём, то и получаем обратно.

Я потом долго думала об этом. Вспомнила, как одна маленькая девочка из студии кукольного театра писала сочинение: "Все игрушки, с которыми мы играем, всегда одинаковые, им всегда

три-четыре года. А куклы, с которыми мы работаем в студии, растут вместе с нами. Мы приходим сюда во втором классе, потом переходим в третий, и они с нами взрослеют. И когда мы уходим, куклам становится грустно, потому что к ним придут другие маленькие дети, а они же уже всё знают. Куклы уже мудрые. И тогда куклы учат детей, они начинают детям что-то говорить".

— Как рождаются образы кукол?

— А вот этого не знаю. Я их просто рисую. В кукольном театре, как и во

Анна
Игнатъева:
«Кукла уходит
и живёт своей
жизнью.
Становится
независимой».

Шесть кукол

всяком другом, всё рождается из единой идеи, ради которой решил поставить спектакль режиссёр. Ради того, о чём он хочет говорить с миром. Художник — соавтор этой идеи. И все остальные тоже. Когда я слушаю пьесу, ещё на общей читке, сразу представляю себе героев.

Театральные куклы полны внутренней энергии. И это не только потому, что тот, кто делает куклу, вкладывает в неё что-то своё. Я для себя определила это так: если человек сначала рождается, а затем появляется его индивидуальный образ, то у куклы всё наоборот — сначала рождается образ, а уж потом возникает сама кукла. А значит, в создании куклы есть что-то божественное. Если кукла получается такая, какой она должна быть, то она уходит и живёт своей жизнью. Становится независимой. Смотришь на неё и думаешь: откуда она взялась? Неужели это я её придумала?

Впрочем, чего удивляться? Всё в мире одухотворено, и кукла тем более. Знаете, почему древние художники боялись рисовать глаза? Один китайский живописец изобразил дракона без зрачков. Ему сказали: картина не закончена. Он послушался и нарисовал зрачки, но дракон улетел. Именно поэтому древние египтяне не рисовали второй глаз.

— А ваши куклы не улетают?

— Ещё как! Бывает, актёр возьмёт куклу, а она ему не даётся. И роль не получается, не складывается спек-

Как живые. Хотя и куклы. (Татьяна Липатова).



Б. Суслов



такль. Кто-то говорит актёру: "Ой, какая неудачная кукла! С ней совершенно невозможно работать". А она сидит и тихонько смеётся: "Ха-ха-ха! Это с ним невозможно работать". Иногда даже приходится снимать спектакль. Но если актёр всё же сумеет найти с куклой общий язык, работа продолжается.

Театральные куклы относятся к ритуальным. Сейчас ритуальная кукла почти ушла в прошлое, осталась только в Японии, Африке, Индии, на Мадагаскаре. Там о кукле никто не скажет, что это игрушка, все знают: она — живое существо.

— Все дети и так это знают...

— Театр кукол так близок детям потому, что для ребёнка все вокруг такие же главные, как он сам. Муравей, лев, дерево — это и многое другое для него мир единый и неделимый. В театре кукол спектакль устроен по тому же принципу.

Когда куклы готовы к новому представлению, наш главный режиссёр (и, кстати, мой муж) Игорь Игнатъев берёт их к себе в кабинет, разговаривает с ними. Это ведь герои будущего спектакля, и он должен с ними познакомиться как можно ближе, постичь их характеры. Ну а куклы тоже присматриваются. В кабинет заходят очень разные люди, и куклы наблюдают: как те говорят, смотрят, как пьют чай...

— Сейчас, наверное, детей трудно чем-то удивить?

— К сожалению, теперь к нам приходят в основном только ребята из на-

чальной школы. Даже четвероклассники уже редкие гости. А ведь совсем недавно и пятый, шестой, седьмой, восьмой классы — всё это были наши зрители. Раньше дети долго не боялись быть романтиками, верить в волшебство, то есть, на взгляд прагматиков, быть наивными. А теперь боятся. Чем это объяснить? Думаю тем, что и взрослые прежде не боялись показаться чуточку наивными. А сейчас это стыдно. Стыдно любить нематериальные вещи, стыдно любить цветы на полях, деревья в лесу.

Жаль.

Санкт-Петербург

Справка «Алфавита»

Анна Игнатъева создала сценографию, костюмы и куклы более чем к 40 спектаклям. В прошлом работала в Кировском, Вологодском и Пермском театрах кукол, сейчас — художник-постановщик и главный художник Санкт-Петербургского государственного кукольного театра сказки. Лауреат многих отечественных и международных фестивалей кукольных театров, заслуженный деятель искусств России.

В 2001 г. удостоена высшей театральной премии Санкт-Петербурга "Золотой софит" в номинации "Лучшая сценография в театре кукол", а в 2002 г. — высшей национальной премии "Золотая маска" в номинации "Лучший художник" за спектакль "Щелкунчик и Мышиный король".



Анна Игнатъева